

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Е.А. Канаев, Ю.А. Воскресенская

ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ В МАЛАЙЗИИ

9 мая 2018 года блок оппозиционных партий смог впервые за последние шестьдесят лет одержать победу на парламентских выборах в Малайзии. Новым премьер-министром страны вновь стал 92-летний Махатхир Мохамад. Ни в течение предшествовавших лет, ни накануне голосования мало что предвещало такой результат. Ожидалось, что правившая коалиция – Национальный фронт – возможно с потерями, но все же сохранит за собой достаточное для формирования кабинета количество мест в парламенте. Выделим следующие основания для оптимизма сторонников Национального фронта.

Прежде всего, одержав успех на всеобщих выборах 2013 года, оппозиционные силы не смогли его консолидировать: коалиция Народный альянс раскололась из-за внутренних разногласий. Довыборы 2016 года по округам Сунгаи Бесар и Куала Кангсар продемонстрировали прочность позиций правившего Национального фронта²⁵⁶. Повод для оптимизма властной коалиции давали и результаты всеобщих выборов 2013 года по штатам Саравак и Сабах, где оппозиция смогла выиграть лишь 9 мест из 57. Добавим к этому, что общая экономическая ситуация в стране была вполне благоприятной, а Государственный бюджет на 2018 год поддержало 75% малазийцев²⁵⁷. Тем неожиданнее оказались результаты голосования мая 2018 года: оппозиционная коалиция «Альянс Надежды» получила 113 мест в парламенте (право формирования правительства дают 112 парламентских кресел), а Национальный фронт – лишь 79 мест. Остальные места распределили между собой Мусульманский блок, партии штата Сабах и несколько независимых кандидатов.

Попытка выяснить, какие именно факторы способствовали столь сокрушительному для правящей коалиции результату, подталкивает к рассмотрению процессов, так или иначе затронувших большинство жителей страны.

Прежде всего, едва ли кого-то в Малайзии оставил равнодушным коррупционный скандал с государственным инвестиционным фондом 1MBD. Фонд был основан в 2009 году для финансирования мероприятий, нацеленных на обретение Малайзией статуса «развитого государства», при этом капитализацию Фонда, как предполагалось, будет обеспечивать выпуск ценных бумаг и займов. Однако на практике Фонд оказался замешан в скандале с участием теперь уже бывшего премьер-министра, на личных счетах которого был обнаружен 681 миллион долларов²⁵⁸. Последствия этих событий носили двойственный характер.

На уровне элит наблюдался исход ветеранов малазийской политики, обладавших немалым авторитетом и политическим багажом, из ОМНО. Это просматривалось на примере Махатхира, М.Ясина, А.Шафи и некоторых других, что привело к образованию новой партийной коалиции. На уровне гражданского

²⁵⁶ Goh M. (2016) Malaysia by-Elections: BN Retains Seats in Sungai Besar, Kuala Kangsar. Channel New Asia. 18 June. URL: // <https://www.channelnewsasia.com/news/asia/malaysia-by-elections-bn-retains-seats-in-sungai-besar-kuala-kan-7975382>

²⁵⁷ Moniruzzaman M., Farzana K. (2018) Malaysia' 14th General Election: End of an Epoch, and Beginning of a New? // Intellectual Discourse. Vol. 26. N. 1. P. 220.

²⁵⁸ (2018) Former Malaysian PM Najib Razak Arrested by Anti-Graft Agency, to Be Charged on Thursday. The Straits Times. 19 September. URL: // <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/former-malaysian-pm-najib-razak-arrested-by-anti-graft-agency-to-be-charged-on-thursday>

общества неприятие коррупционных практик руководства ОМНО проявилось на примере антиправительственного движения «Берсик», которое прошло в столице и провинциальных городах, набрав наибольший размах летом-осенью 2015 года.

Попытки властей выявить зачинщиков протеста привели к массовым арестам. Получив указание стабилизировать ситуацию, полиция, недолго думая, прибегла к Закону о подрывной деятельности. В результате в течение только 2015 года по статьям этого закона был арестован 91 человек, почти в пять раз больше, чем за все время его существования²⁵⁹.

Не менее важным фактором стало введение в апреле 2015 года налога на товары и услуги (Goods and Services Tax) – на фоне падения курса ринггита, снижения объемов инвестирования в малазийскую экономику и поступлений от экспорта. Простыми гражданами и бизнесом, особенно малым и средним, налог, как и ожидалось, был встречен без энтузиазма. Но предметом особого раздражения и тех, и других не могла не стать попытка власти переложить на плечи простых людей последствия своей управленческой некомпетентности и финансовой нечистоплотности.

Наконец, сыграл роль фактор личности Махатхира. Хотя отношение к нему может быть не у всех одинаковым, нельзя не признать: доктор Махатхир – без преувеличения знаковая фигура малазийской политики. Можно с полным на то основанием утверждать: если отцом малазийской нации является Тунку Абдул Рахман, то отцом современной Малайзии – именно той, которую во всем мире знают и уважают, – безусловно, «доктор М».

Если суммировать вызовы, которые стоят перед новым кабинетом, то главные из них таковы.

Первый и, пожалуй, наиболее важный: как в условиях остающейся «позитивной сегрегации» повышать конкурентоспособность страны. Согласно позиции В.В.Сумского, предыдущая администрация Малайзии лишь на элитарном уровне стремилась достичь межобщинного консенсуса по ключевым вопросам развития. Вместе с тем, «... на политическую авансцену Малайзии выходит если не состоявшаяся межэтническая коалиция, то по крайней мере образование, претендующее на то, чтобы стать таковой. Причем социальную опору организаций, входивших в Pakatan на момент выборов — Партии народной справедливости, Партии демократического действия, Единой партии коренного населения Малайзии и Партии национального доверия, — составляют представители политически активного среднего класса, окрепшего в процессе модернизации страны. Судя по предвыборным декларациям, эти люди смотрят на вещи несколько иначе, чем их предшественники во власти. Для них приоритетна тема социальной справедливости, тема противодействия социальному расслоению как оборотной стороне глобализации, в которую Малайзия, как и другие страны Восточной Азии, вписывалась и вписывается не всегда осмотрительно»²⁶⁰. Если учесть, что современный этап глобализации ставит перед государствами гораздо более серьезные, нежели раньше, вопросы, то приходится признать: стоящая перед Малайзией задача повышать свою конкурентоспособность многократно усложнилась.

²⁵⁹ Surendran N. (2019) Najib's Gov't Was the Worst Abuser of Sedition Act in History. Malaysiakini. 12 January. URL: // <https://www.malaysiakini.com/letters/459944>

²⁶⁰ Сумский В. (2018) Малайзия 2018: смена власти в стране, где власть до сих пор не менялась. Российский совет по международным делам. 22 мая. URL: // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/malayziya-2018-smena-vlasti-v-strane-gde-vlast-do-sikh-por-ne-menyalas/>

Однако пока оснований для алармизма нет. Согласно рейтингу “Ease of Doing Business”, Малайзия остается одной из наиболее привлекательных стран для ведения предпринимательской деятельности. За период 2009-2018 гг. позиция страны не опускалась ниже 24 места (2016 г.), достигнув пикового значения в 2013 году (6 место)²⁶¹. За последние 10 лет Малайзия активно проводит реформы, улучшающую нормативно-правовую базу бизнеса и модернизируя его инфраструктурную составляющую.

Эти шаги приводят к заметным результатам. Благодаря введению современного реестра предприятий Малайзия смогла упростить и расширить доступ бизнеса к кредитованию. Принятие закона о передаче компаниями информации, необходимой для заключения сделок с потенциальными инвесторами, способствовало большей прозрачности проводимых операций. Оптимизация подключения к электричеству обеспечила Малайзии положительную динамику развития в сфере электроснабжения. Высокие позиции в рейтинге страна сохраняет и в области получения разрешения на строительство посредством введения в эксплуатацию системы «единого окна».

За последние годы в стране произошли изменения, затрагивающие регистрацию предприятий: был разработан единый онлайн-сервис регистрации налогов, благодаря чему время, необходимое для создания нового предприятия, сократилось с тридцати семи до восемнадцати дней. Малайзия продолжает вводить различные меры по стимулированию фондового рынка: были введены структурированные варранты, отказ от гербового сбора, используются акции компаний со средней и малой капитализацией для привлечения инвесторов.

Еще одной проблемой, с которой малазийскому руководству придется иметь дело, является всплеск протекционистских настроений в странах, которые традиционно были ключевыми торговыми партнерами Малайзии. Прежде всего, это США, выход которых из Транстихоокеанского партнерства едва ли отвечал интересам Куала-Лумпура с учетом высокой экспортной квоты Малайзии и стремления компенсировать посредством ТТП отсутствие двустороннего малазийско-американского Соглашения о свободной торговле. Нынешний виток американо-китайского противостояния по вопросам международной торговли с перспективой введения косвенных ограничений на малазийский экспорт лишь усиливает озабоченности Куала-Лумпура.

Наконец, новое руководство Малайзии вынуждено реагировать на удешевление цепочек добавленной стоимости, в формировании которых принимает участие малазийский бизнес. С этой точки зрения интерес страны заключается в создании новых производств, к чему Малайзию подталкивает Китай. Посредством Инициативы пояса и пути (ИПП) Поднебесная предлагает свои финансовые возможности по реализации крупных инфраструктурных проектов, за которыми должно последовать создание «коридоров высоких технологий». Однако руководство Малайзии осознает, что инвестиционная, а главное – технологическая, зависимость от Поднебесной – далеко не оптимальное средство достижения статуса развитого государства как своего основного приоритета. Именно по этой причине в ходе августовского визита в КНР Махатхир отменил контракты на сумму более \$22 млрд., после чего малазийские аналитики высказали сомнения в соответствии Инициативы пояса и пути национальным интересам страны²⁶².

²⁶¹ Рейтинг стран за соответствующие годы. URL: // <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings>

²⁶² Malik A.R. (2018) China-Malaysia Ties. The Nation. 1 September. URL: // <https://nation.com.pk/01-Sep-2018/china-malaysia-ties>

В общем и целом, тот кредит доверия, который малазийский народ дал оппозиционным политикам, должен быть оплачен практикой конкретных дел. Немаловажная часть таковых – своевременность отказа от эксплуатации протестных настроений, на которой Альянс надежды пришел к власти, и поиск решений долгосрочных, стратегических по своему характеру вопросов развития страны.

В.В. Сумский

СУДЬБА МАЛАЙЗИИ И ДЕЛО ЖИЗНИ МАХАТХИРА

Победа оппозиции на 14-х парламентских выборах, состоявшихся в Малайзии 9 мая 2018 года, повергла в изумление и саму эту страну, и остальной мир. Стоит, однако, сопоставить результаты прошлогоднего голосования с итогами двух предшествующих аналогичных кампаний, и ощущения – если не полностью, то в чём-то важном – поменяются. Поражение правящего Национального Фронта (НФ) и Объединённой малайской национальной организации (ОМНО), вокруг которой он выстраивался с начала 1970-х годов, предстанет как закономерная развязка внутривнутриполитических процессов, набиравших силу с наступлением XXI века. Точнее – после того, как д-р Махатхир Мохамад (р. 1925), добровольно оставив посты президента ОМНО и главы правительства Малайзии, которые занимал в 1981-2003 гг., передал бразды правления своим преемникам – Абдулле Бадави (2003-2009) и Наджибу Разаку (2009-2018).

Как известно, в 2008 году НФ сохранил власть, но при этом потерял в парламенте конституционное большинство в две трети депутатов, что и повлекло за собой отставку Бадави. В 2013 году прозвучал уже настоящий сигнал тревоги: по общему числу набранных голосов вперед вырвалась оппозиционная коалиция «Народный альянс» (Pakatan Rakyat), и лишь правила определения победителя, присущие мажоритарной избирательной системе, позволили НФ удержаться «на плаву». В подобном контексте торжество оппозиции спустя пять лет покажется кому-то чуть ли не предопределённым свыше – что, разумеется, не так.

Напомню, что относительный успех на выборах 2013 г. обернулся для «Народного альянса» нарастанием внутренних противоречий, а затем и распадом. Из трёх организаций, составлявших его основу, наилучшие результаты показала Партия демократического действия (ПДД), опиравшаяся главным образом на горожан-китайцев. В ответ на это воинствующая Пан-малайская исламская партия (PAS), для которой ПДД была заведомо неудобным партнёром, не нашла ничего лучшего, как демонстративно покинуть коалицию. Следующий раскол произошёл уже в самой PAS: от неё отделилась группа умеренных деятелей исламской ориентации, образовавшая самостоятельную Партию национального доверия (AMANAH). В Партии народной справедливости (KEADILAN), созданной Анваром Ибрагимом – бывшим вице-премьером и несостоявшимся политическим наследником д-ра Махатхира – тоже царили не самые приподнятые настроения. Тем более, что Анвара, обвинённого ещё в 1998 г. в злоупотреблениях властью и содомии, отсидевшего в тюрьме и вышедшего на свободу с ореолом мученика и «героя среднего класса», вскоре после выборов 2013 г. препроводили за решётку повторно.

Так выглядела, в самых общих чертах, ситуация, сложившаяся в оппозиционном лагере в начале 2015 года. Вряд ли она обещала силам, стоявшим у власти и располагавшим весьма солидным «административным ресурсом», сколь-нибудь серьёзные испытания – пока в публичном пространстве не «нарисовалась»